

Наш друг Поль Робсон

БЫЛ ЧАС, когда на московских улицах зажигаются первые фонари. У гостиницы «Советская» остановилась машина. Из нее вышел человек огромного, не «московского» роста. И сейчас же затихшая было вечерняя улица ожила. Прохожие, что случайно оказались рядом, радостно пожимали приветливо протянутую ему руку: Поль, Робсон, Павел Васильевич!

Да, наш дорогой друг Поль Робсон — снова желанный гость столицы. Он прибыл в Москву по приглашению Комитета по международным Ленинским премиям «За укрепление мира между народами».

Когда мы встретились с ним, он только что вернулся из Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Воклониванный Робсон долго стоит у окна. Внизу мелькают бесчисленные огни машин, скользящих по Ленинградскому проспекту.

— Я всегда говорю друзьям, — через несколько минут произносит он, — Москва для меня родной город. И когда незнакомые люди подходят ко мне на улице и говорят: «Здравствуй, Павел Васильевич», я даже чувствую себя вашим земляком. Я считаю себя немножко москвичом, и мне приятно слышать, когда меня называют русским именем.

Пока Робсон отвечает на один из бесконечных телефонных звонков, присутствующий при беседе автор книги о Робсоне В. Горохов рассказывает:

— Сейчас я заканчиваю новую редакцию книги. С 1952 года, когда она впервые увидела свет, многое изменилось. И в жизни Робсона. Это найдет отражение в новом издании. Предисловие к книге согласился написать сам Робсон.

— И тем самым приму участие в создании советской литературы, — смеется, присаживаясь к столу, Робсон. — Вообще мне предстоит уйма дел. Кроме официальных встреч и бесед, я должен успеть побывать в театре. Я уже видел «Пламя Парижа» в Большом театре и «Маленькие трагедии» Пушкина в Театре имени Евг. Вахтангова — впечатление незабываемо.

— Кстати, «Маленькие трагедии» Поль понимал без перевода, — добавляет Горохов.

— Да, — оживляется Робсон, — Ведь я изучал Пушкина и даже переводил его на английский язык. — Робсон вдруг преображается и, вскинув руку, произносит по-русски, с каким-то особым удовлетворением: «...Вновь я посетил тот уголок земли...» — и, как-то очень тепло улыбнувшись, добавляет: — Это мои любимые стихи, Пушкин. Гоголь, Толстой — да разве можно их не любить?! А советские писатели?! Например, «Судьба человека» Шолохова! Какое сильнейшее произведение!

— А сами вы что-нибудь пишете?
— Это скорее по части моей жены Эсланды. Я тоже заканчиваю книгу. Это не роман и не повесть, — улыбается певец. — Это труд о музыкальной культуре раз-

ных стран. В ней я говорю о том, что истоки современной народной музыки, корни которой уходят в глубь времен, интернациональны. Настоящая музыка никогда не умрет. Возьмите Мусоргского или Хачатуряна. Их любят и в Африке, и в Америке. И это понятно: их произведения — настоящая музыка, основой которой послужил национальный музыкальный фольклор.

В том, что музыка по природе своей интернациональна, я убедился еще раз сегодня в Университете дружбы. Там создан интернациональный хор! Это значит, что песня, музыка еще крепче сплотят юношей и девушек — белых, черных, желтых. И сплотят не на неделю, а на многие годы. И даже когда они разбедутся, то не забудут ни песен, ни того, что с ними связано. Руководители хора попросили меня проконсультировать его работу, что я с удовольствием буду делать. Кроме того, меня пригласили прочесть ряд лекций по теории музыки в университете. Так что, когда я приеду в следующий раз, то, возможно, буду профессором, — шутит он.

— В ГДР Робсону уже присвоено звание доктора музыкального искусства, — поясняет Виктор Горохов.

Робсон рассказывает о встрече со студентами университета, об огромном впечатлении, которое произвел на него сам университет.

— Это один из самых великих университетов мира, — убежденно говорит Робсон. — Потому что его основная идея — это идея дружбы. И миллионы людей будут благодарны Советскому правительству за его создание. Мне очень хочется чем-нибудь помочь в его работе. Правда, меня, — Робсон разводит руками, — опередила жена.

— ???

— Эсланда принимала участие в его организации.

В этот вечер замечательно певцу были вручены памятная медаль, диплом и портрет Патриса Лумумбы.

— Это для меня очень дорого, — взволнованно говорит Робсон. — Я получал много дипломов и медалей, но эта... это самый ценный подарок.

В университете Робсону был сделан и еще один подарок — ноты песни о Патрисе Лумумбе. И тут же, без подготовки «великий негр» спел ее своим молодым друзьям на русском языке. О том, как была встречена эта песня, Робсон не может рассказывать без волнения.

— В университете я еще раз понял, как нужно то, что я делаю. Ведь песни — богатство всего человечества, их язык — всеобщий язык.

— Павел Васильевич, а где вы думаете еще побывать?

— В Венгрии, Румынии, Болгарии, ну и, конечно, в Африке. Теперь там дышит легче. Надеюсь, что привезу оттуда что-нибудь для своего «музыкального саквояжа». Теперь африканский песенник пополнился целой серией песен о свободе.

— А когда вы снова приедете к нам?

— Летом или осенью. Но приеду не один, а с моим старым другом и аккомпаниатором композитором Лауренсом Брауном. Мы привезем большую программу, хотя и не совсем обычную. Это будет концерт-лекция: короткая история, небольшая рассказ, а затем песни.

Робсон подходит к окну. За стеклом мечутся пушистые хлопья снега: последние мартовские проказы.

— А я думал, что уже не застану снега. Даже в жаркой Австралии я мечтал о настоящей русской зиме. Но мы, видно, симпатизируем друг другу, — лукаво улыбается Робсон, — поэтому оно меня и дождалась.

Прощаясь, Робсон просит передать свои самые горячие пожелания читателям нашей газеты и записал в блокноте несколько приветственных строк.

М. СТОЯНОВ

Павел Васильевич

Paul Robeson

Мар. 22/61